

Конец мира (Дорошевич)

Ещё на западе пурпуром и золотом горел край одежды уходящего Магадэвы, — а с востока мрачный Аффрид простирал над миром чёрное покрывало, чтоб укрыть им разврат и преступления земли.

— Я проклиная тебя! — воскликнул Магадэва и, словно мечом, сверкнул по небу последним кровавым лучом.

— Я ненавижу тебя! — крикнул Аффрид, кидаясь вслед за уходящим, и закрыл всё небо своим чёрным покровом.

От их голосов в испуге похолодел воздух, птицы забились в листву, зелень потеряла свои краски, цветы вздрогнули и испуганно закрыли свои чашечки. Наступила ночь.

Аффрид впился в землю тысячами тысяч сверкающих глаз. Глаза тигра, глядящего на добычу.

Всю ночь не мог заснуть индус Авга.

Он думал:

«Умереть завтра самому голодной смертью или убить сегодня богатого соседа?»

Он то брался за копьё, то снова клал его на скамейку.

И казалось Авге, что он не один ночью в хижине.

Что тут есть ещё двое.

И говорят с ним.

Один голос говорил:

— Не убивай!

Другой повторял:

— Убей... убей... убей...

— Боги создали так, что он богат, а ты нищий! — говорил один голос. — Не спорь с волей богов!

— Ты будешь сам могуществен, как боги: убей! — говорил другой голос. — Боги создали так, а ты переменишь волю богов. Ты совершишь чудо, достойное богов! Боги создали, чтоб он был богат, а ты умер. Он умрёт, а ты будешь богачом. Ты будешь могуществен, как боги.

И слушая голоса, перекликавшиеся в темноте в его хижине, Авга то нащупывал копьё и сжимал его рукоятку, — то снова выпускал его из рук.

— Всё мудро, что существует. Всё, что существует, предопределено. Не нарушай мудрости предопределённого! — говорил один голос.

И другой прерывал его:

— Всё, что предопределено, то и совершится. Ничто не изменится в мире. Предопределено, чтоб был труп, — и будет труп. Предопределено, чтоб был счастливый и богач, — будет счастливый и богач. Но зачем же трупом должен быть ты?

— Убийство. Смерть.

— Переселение души, — и только. Он будет тобою, трупом, — ты станешь им: счастливцем и богатым.

— Не убивай!

— Убей... убей... убей...

А между тем уж близился рассвет.

Задрожали и побледнели звёзды. Где-то в кустах чирикнула птица.

— Проходит ночь, — в ужасе воскликнул Авга, — что ж мне делать? На что решиться? Теперь дорого каждое мгновение!

И хижина его наполнилась вдруг светом, и перед ним появились два человека.

Один был одет в золотистые лёгкие одежды, другой кутался в чёрную мантию. И оба жадно смотрели на Авгу.

— Кто вы? — с испугом спросил Авга.

— Мы боги! — отвечали они.

— Я Магадэва, бог света. Лучезарного света.

— Я Африд, бог тьмы. Бездонной тьмы.

Авга упал на колени:

— Что привело вас ко мне?

И Магадэва ответил ему:

— Наша борьба!

И Африд мрачно подтвердил:

— Наша борьба.

— Века мы боремся из-за тебя, из-за человека, — и это наполняет наше существование. — Мы живём этой борьбой.

— Кому ты будешь принадлежать, — мы спорим. Я Магадэва, добрый бог.

— Я Африд, бог зла.

— Ты должен быть моим.

— Ты будешь моим.

— Проклятье тебе, исчадье тьмы! Он будет моим!

— Ненависть моя тебе, мираж далёкого неба! Золотистый туман! Луч солнца, который поглотит тьма! Он будет моим.

Авга стоял на коленях и слушал спор богов о нём. Он поклонился им до земли и сказал:

— Великие и могущественные боги! Мне очень лестно слышать, что вы так спорите и боретесь из-за меня. Могуча ваша борьба. Но я-то! Я-то! Я похож на зерно, которое попало между двух жерновов. Один жёрнов белый, другой чёрный. Но бедному зерну-то плохо. Жернова борются и трутся друг о друга, — а бедное зерно, попавшее между ними, превращается в порошок. Великие, могущественные боги, вы боретесь из-за меня, — мне очень лестно. Но меня-то, ведь, вы стираете в порошок. Если бы вы могли оставить меня в покое?!

И Магадэва, и Африд, поникнув головами, вышли из хижины.

Рассветало.

По лесу пошёл шелест распускающихся цветов, развёртывающейся травы. Рос и рос звон птиц.

Магадэва и Африд, утомлённые борьбой, сели отдохнуть по разным сторонам дороги. С ненавистью глядя друг на друга. Добро и зло, прикованные друг к

другу борьбой. На дороге лежал навоз. И на навоз прилетели два воробья, и стали из-за него драться.

Перья летели от них.

От боли они жалобно чирикали.

А всё-таки клевали друг друга в голову.

И текли у них капли крови.

Глядя на них, улыбнулся мрачный Африд.

Глядя на драку, улыбнулся улыбкой сожаленья Магадэва.

И боги с улыбкой встретились глазами.

Африд указал Магадэве на воробьёв:

— Не похожи ли мы на них?

И Магадэва рассмеялся.

— Из-за чего мы боремся? Мы видели сейчас человека!

И Магадэва сказал:

— Если б было что-нибудь выше нас, — это существо смеялось бы над нашей борьбой из-за человека, как мы смеемся теперь над этой дракой воробьёв!

Африд протянул ему руку:

— Кончим же этот вечный спор между добром и злом. Из-за кого? Из-за чего? Отдохнём в покое небытия!

И Магадэва ответил:

— Я согласен. Пусть спор будет кончен, брат мой!

И дорога расширилась между ними. Между ними была уж не дорога, а вся земля. Они потеряли вид людей и стояли друг перед другом великие, необъятные.

И боги кинулись в объятия друг друга и крепко сжали друг друга в объятиях.

И мир попал между ними, и они раздавили мир.

Он умер с воплем.

Заревели воды, завопили горы, камни, превращаясь в пыль.

И только Магадэва в этом рёве, в этом стоне сердцем услышал жалобный стон человека.

Всё было кончено.

Не было больше ни добра, ни зла, ни мира, ни человека.

И не было богов.

Не стало человека, — и не стало ни добра, ни зла.

И не стало и богов добра и зла.